

Художественный руководитель Московского театра имени Ермоловой, народный артист СССР, Владимир Андреев — удивительный собеседник. О чем бы он ни рассказывал, какими бы мыслями ни делился — слушаешь. Особенно если говорит о таком всеобъемлющем явлении, как Пушкин. Но чудо Пушкина, может быть, в том-то и заключается, что он никогда не бывает объектом диалога, а только его субъектом, его самым деятельным и всевластным участником. Поэтому наша беседа с Андреевым шла так, как того захотел, как распорядился им гений Пушкина.

— Владимир Алексеевич, есть такое понятие — «мой Пушкин». А что такое — ваш Пушкин?

— Когда говоришь: «мой Пушкин», то оно возникает больше от чувства, чем от слова. Трудно выразить вслух и на бумаге то, что дороже всего. К тому же всегда есть опасность, что будешь говорить высокопарно, в «приличествующем» юбилейной дате тоне. «Мой Пушкин», наверное, начинается с того дня, когда я, будучи неполных шестнадцати лет, прочел монолог Бориса Годунова в доме великой русской актрисы

Варвары Николаевны Рыжовой. Ее сестра, Елена Николаевна Музиль, отнеслась довольно строго к моему появлению в их доме. Они с Варварой Николаевной долго спорили: слушать ли меня вообще и что я конкретно представляю из себя. Смешно сказать, но что я тогда мог из себя представлять... И вот я заговорил: «Достиг я высшей власти; Шестой уж год я царствую спокойно». Когда закончил читать монолог, то у меня все закружилось перед глазами от волнения и я чуть не упал в обморок. После этого Варвара Николаевна

**Владимир
АНДРЕЕВ:**

благословила меня учиться на актера...

Потом была еще одна знаменательная встреча с Пушкиным. Мне посчастливилось сниматься в фильме «Сказка о царе Салтане» у великодушного сказочника, каких теперь уже нет, — у Александра Лукича Птушко. Там я играл царя Салтана. Мне особенно было памятно то увлечение, с которым все мы работали над этим фильмом. Но самое удивительное заключалось в том, что гений Пушкина помогал и способствовал рождению нашей творческой фантазии.

Общение с гением само по себе — вещь диковинная. Важнее всего — это «поймать» нужный тон, услышать его, гения, голос, тихий струящийся шепот, который различить так сложно, а подчас и невозможно. Но если все-таки постараться его почувствовать, прислушаться к нему, то — «сколько нам открытий чудных»...

— Получается, что сам Пушкин как будто руководил вами во время съемок фильма?

— Именно. Помню, когда снимали, как просмоленную бочку с царицей и маленьким Гвидоном сбрасывают с высокой скалы, то все ловили себя на мысли, что в кадре получается живая иллюстрация строчек Пушкина. Более того, у меня было такое ощущение, как будто сам Пушкин подсказал мне: сыграть Салтана как царя Феодора Иоановича. С его детскими глазами, которые обидеть нельзя. Но ведь автор строит все действие так, что именно Салтана обижают и обманывают.

В дни празднования юбилея Пушкина на Манежной площади будет показан спектакль по пушкинским произведениям, в котором мне предстоит сыграть старого Цыгана.

В последнее время я особенно часто возвращаюсь к Пушкину. Недавно перечитал все написанное им о Пугачеве и поразился тому насколько точно он предсказал трагические парадоксы России.

— А у вашего театра имени Ер-

моловой существует свой Пушкин?

— Конечно, существует. Для меня, например, одним из ярчайших впечатлений моей жизни была генеральная репетиция спектакля «Пушкин» в этом театре, когда на сцене возникал настоящий, живой Пушкин в исполнении Всеволода Якута. В моменты, когда он страдал, гневался, ревновал и у него на глазах у зрителей рождались стихи, я думал: «Вот это — Пушкин!». Вся аура этого спектакля, включая сценическое оформление, была озарена таким светом, таким дыханием любви и веры, что не верить в подлинность происходящего было невозможно. Мне повезло — еще будучи студентом, я играл в этом спектакле молодого человека (образ Кольцова), который, случайно в лавке Смирдина встретив Пушкина, восторженно бросался к нему и потом говорил всем: «Пушкин говорил со мной!».

А однажды, хотя это и странно с моей внешностью — мне довелось сыграть в этом спектакле Дантеса.

ОН СУЩЕСТВУЕТ В НАС С РОЖДЕНИЯ ДО СМЕРТИ

1949-1999-14 июня, - 4-5

До сих пор помню, как мне лепили нос, как спешно шили парик, облагораживая, так сказать, мою физиономию. Помню, как Геккерен кричал, провожая сына на дуэль: «Жорж, целься метче, умоляю, ты должен быть хладнокровен и первым выстрелить должен. Знай, дорожке ты мне всех в мире рифмачей! Нет выхода! Убей его, убей!» Постановка пользовалась очень большим успехом у зрителей, но после того, как ее посмотрел Молотов, спектакль закрыли. Нам не могли простить, что мы слишком открыто позволяли себе говорить «противу властей»...

— А нынешний спектакль «Барышня-крестьянка» по Пушкину как возник в вашем театре?

— Рождение этого спектакля имеет свою, пусть скромную, но историю. Некоторое время назад Кристина Орбакайте пришла в РАТИ учиться основам драматического искусства. И, надо отдать ей должное, она удивительно серьезно относилась к тем заданиям, которые ей надо было выполнять. Это

было в моей мастерской, а вела ее Натэлла Бритаева. Они выбрали в качестве дипломной работы спектакль по пушкинской «Барышне-крестьянке» и сыграли его в Малом зале. Но зрительский спрос, вызванный не только вниманием к Кристине, но и ко всему актерскому коллективу, был настолько велик, что решили попробовать сыграть на Большой сцене, чему помогли и очень точная сценография Татьяны Сельвинской, и музыкальное оформление блистательного гитариста Василия Борисенко. Мы были с этим спектаклем в Германии. Везли его туда, можно сказать, с трепетом душевным, боялись, что немцы не поймут нашего Пушкина. Но успех превзошел все наши ожидания: во время действия зрители снимали наушники, чтобы воспринимать не перевод, а живое слово Пушкина в его подлиннике.

— Владимир Алексеевич, как бы вы могли охарактеризовать ваш нынешний диалог с Пушкиным?

— Этот вопрос я уже давно подсознательно задавал себя, может быть, только вот так конкретно его не формулируя. Когда ты как режиссер встречаешься с автором, то возникают некоторые с ним взаимоотношения, которые могут развиваться, углубляться, а могут и складываться дежурно. К Пушкину я отношусь с глубоким почтением, уважением, нежностью и некоторой робостью. Не знаю, почему, но каждый раз его воспринимаю, как что-то таинственное и до конца непознаваемое. При этом становишься если не ребенком, то — очень наивным человеком, искренне переживающим за судьбы героев, которых ты успел полюбить с первой строки, как будто события, описанные автором, происходят сейчас у тебя на глазах... Вот это, наверное, и есть тот вечный «диалог» с творчеством гения, которого мы открываем в детстве и потом не можем до конца разгадать до самой нашей смерти.

Беседу вела
Янина СОЛДАТКИНА.